

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Національний авіаційний університет

Ahi Evran University (Turkey)

TESOL – Ukraine

НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНІСТЬ В МОВІ І КУЛЬТУРІ

Збірник наукових праць

Київ 2019

УДК 821.09(100)(082)
НЗ5

Національна ідентичність в мові і культурі: збірник наукових
НЗ5 праць / за заг. ред. А.Г. Гудманяна, О.Г. Шостак. - К.:Талком, 2019. - 318
с.

ISBN 978-617-7685-68-4

Збірник містить тексти доповідей XII Міжнародної конференції з питань національної ідентичності в мові і культурі, що відбулася 22-23 травня 2019 року на кафедрі іноземних мов і прикладної лінгвістики факультету лінгвістики та соціальних комунікацій Національного авіаційного університету (м. Київ, Україна).

УДК 821.09(100)(082)

Головний редактор:

А.Г. Гудманян, доктор філологічних наук, професор
(Національний авіаційний університет, Україна)

Редакційна колегія:

Е. Акіллі, доктор філософії (Історія), академік

Агі Євран університет, Киршехір (Туреччина)

О. В. Артюшкіна, кандидат наук з лінгвістики, доцент
(Університет Жан Мулен Ліон 3, Франція)

Н. О. Висоцька, доктор філологічних наук, професор
(Київський національний лінгвістичний університет, Україна)

Р. І. Дудок, доктор філологічних наук, професор
(Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна)

Ю. Л. Мосенкіс, доктор філологічних наук, професор,
(Київський національний університет імені Тараса Шевченка,
Україна)

А. І. Раду, кандидат філологічних наук, доцент
(Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна)

А. В. Чеснокова, професор
(Київський університет імені Бориса Грінченка, Україна)

О. Г. Шостак, кандидат філологічних наук, доцент
(Національний авіаційний університет, Україна)

С. М. Ягодзінський, доктор філософських наук, професор
(Національний авіаційний університет, Україна)

*Рекомендовано до друку Вченою радою факультету лінгвістики та соціальних комунікацій
Національного авіаційного університету (протокол № 3 від 15 травня 2019 р.)*

ISBN 978-617-7685-68-4

© Колектив авторів, 2019

© Національний авіаційний університет, 2019

Сергей Серебряный
доктор философских наук
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

"НАЦИЯ" И "ЯЗЫК" В КОНТЕКСТЕ ЮЖНОЙ АЗИИ

Мир Южной Азии (т.е. Республики Индия и соседних с ней стран: Пакистана, Бангладеш, Непала, Бхутана, Шри Ланки и Мальдивов) во многих отношениях - и природных, и социальных - значительно отличается от близкого и привычного для нас мира Европы. Конечно, то же самое можно сказать и о других неевропейских ареалах. Но особенность Южной Азии еще и в том, что, будучи по площади сопоставимой с площадью Европы (во всяком случае - Западной Европы), по своему многообразию (опять-таки и природному, и культурному) южноазиатский субконтинент

немало превосходит субконтинент европейский. Сопоставление этих двух субконтинентальных миров, их истории и их нынешнего состояния, помогает нам осознать относительность, условность (культурную обусловленность) многих наших представлений и понятий, сложившихся в рамках европейской культурной традиции.

В полной мере это относится к нашему слову "нация" и стоящими за ним представлениями. Может быть, в несколько меньшей, но всё же в немалой степени сказанное справедливо и в случае слова "язык". Дополнительная сложность со словами "нация" и "язык" состоит в том, что эти слова употребляются не только - и даже не столько - в научных рассуждениях (дискурсах), но и в обыденном языке, и в дискурсах идеологических, т.е. таких, которые имеют целью не установление истины, а "промывание мозгов", т.е. утверждение в умах людей - всеми правдами и неправдами - тех или иных воззрений. Подобная многофункциональность делает слова "нация" и "язык" опасно многозначными. Впрочем, и в пределах сугубо научных дискурсов эти слова могут обретать весьма различные смыслы. Стоит еще подчеркнуть, что русское слово "нация" и соответствующие слова в других европейских языках, насколько мне известно, не употребляются в качестве строго научных терминов - именно потому, что нет единого, общепринятого определения понятия/термина "нация". В научных текстах слова "нация", "nation", "Nation" и т.д. выступают обычно как *объекты исследования* - исторического, филологического, социально-психологического и т.д.

Русское слово "нация", как и соответствующие слова в других европейских языках, восходит к латинскому существительному *patio*, производному от глагола *nascere* - 'рождаться', 'происходить'. В классической латыни слово *patio* могло значить 'рождение', 'происхождение', 'род', 'порода' (например, лошадей) - и некое сообщество людей (не римлян), объединенных общим происхождением (по-нашему не столько "народ", сколько "племя"). Как и в случае немалого числа других латинских и греческих слов, слово *patio* и производные от него слова новых европейских языков приобрели свои нынешние *смыслы (значения)* в Новое время.

Античность оставила Европе в наледство, среди прочего, идею Империи, т.е. более или менее обширного государства, власть которого объединяет различные народы, племена и культуры. Эта

идея и даже ее реальные воплощения дожили в Европе до 20-го века. Но Западная Европа после падения Западной Римской империи в 5 в.н.э. существовала большей частью как конгломерат того или иного числа отдельных государств. Уже в так называемые Средние века и в раннее Новое время некоторые из этих государств оказывались вполне однородными в этническом и лингвистическом (языковом) отношениях, например, Португалия и Голландия. Но все же до поры до времени бóльшая часть жителей Европы определяла (как ныне говорят, идентифицировала) себя принадлежностью к религии (к той или иной разновидности христианства) и/или принадлежностью к тому или иному государственному образованию.

Перелом произошёл в конце 18-го - начале 19 века, когда для многих европейцев на первый план вышли понятия "нация" и "народ". Показательны ("парадигмальные") для этих умонастроений "Речи к германской нации" ("Reden an die deutsche Nation", 1808) Иоганна Готлиба Фихте (1762-1814), написанные и произнесенные вскоре после битвы при Йене и направленные против имперских притязаний французских оккупантов. "Речи" Фихте - классический текст "эссенциалистского национализма": "нация" (в данном случае "немецкая нация") провозглашается некоей вневременной сущностью и едва ли не высшей ценностью для человека, которой он должен посвятить все свои помыслы и всю свою волю. Одна из основных отличительных черт "немецкой нации" и одно из ее главных достояний - это язык, немецкий "чистый язык", который для Фихте также был некой вневременной сущностью. Историки не без основания видят в "Речах" Фихте один из источников нацистской идеологии в 20-м веке. Стоит еще заметить, что немцы и в 19-м, и в 20-м вв. применительно к себе чаще употребляли не слово "Nation", а слова "Volk" ('народ') и "Reich" (немецкий перевод латинского слова imperium).

На Венском конгрессе 1815 года, завершившем эпоху "наполеоновских войн", основным "государствообразующим" принципом был провозглашен принцип "легитимности". Но в течение 19-го века всё большее распространение получал принцип "национального государства" (прозвучавший и в "Речах" Фихте): "народ", говорящий на "одном языке", имеет право на единое и отдельное государство. В 1861 г. возникло объединенное Королевство Италия, в 1871 г. - объединенная Германия (Deutsches

Reich), в 1877 г. появилась независимая (от Османской империи) и единая Румыния... Правда, ни в одном из трёх названных случаев в новые государства не вошли все люди, которых можно было бы считать говорившими на "одном языке" (итальянском, немецком или румынском). С другой стороны, многие жители Италии и Германии до сих пор говорят "дома" на своих диалектах, хотя и, как правило, знают соответственно стандартный итальянский или стандартный немецкий. А у румын с молдаванами до сих пор не до конца решено, один у них язык или (по крайней мере) два.

На востоке Европе и на прилегающих территориях Азии вплоть до начала 20 века сохранялись полиэтничные государства, которые историки называют (и которые сами себя назвали) "империями": империя Габсбургов (Австро-Венгрия), империя Романовых (Российская империя) и Османская империя (в просторечии Турция). Но "подрывные идеи" "нации" и "национального государства" в течение 19 века постепенно разъедали "нерушимое единство" этих империй, а первая мировая война их и вовсе разрушила. На территории Австро-Венгрии и Османской империи возникли отдельные "национальные" или квази-национальные государства, а распадавшуюся Российскую империю большевики в результате кровавой гражданской войны восстановили почти в тех же пределах (под другим именем и с другими идеологическими "скрепами"), продлив ей жизнь еще почти на 70 лет.

Складывание "империй" из отдельных частей нередко сопровождалось войнами и другими видами кровопролития. Как заявил Бисмарк в 1862 году, "великие вопросы времени решаются ... железом и кровью (durch Eisen und Blut)".

Преобразование бывших "империй" в "национальные государства" в 20-м и 21-м вв. также оказалось весьма "кровоёмким" процессом. Здесь нет необходимости подробнее рассуждать на эту тему. Это история, которая происходила и, увы, всё ещё происходит на наших глазах.

История Южной Азии складывалась во многом по-другому. На протяжении веков, соответствующих европейской Античности и раннему Новому времени, Южная Азия представляла собой конгломерат различных государственных образований, границы между которыми были подвижны. В языковом отношении история Южной Азии сравнима с историей Европы, но более сложна. В

Южной Азии был аналог латыни - санскрит, высокоразвитый письменный язык, "обслуживавший" верхние этажи культуры по всему субконтиненту. Уже в первом тысячелетии н.э. формировались и другие письменные языки, родственные и неродственные санскриту, но ни один из них не становился монопольным языком власти. Уже с седьмого века н.э. на южноазиатском субконтиненте появились завоеватели-мусульмане, в начале 13 в. возник Делийский султанат (со столицей в Дели), султаны которого в последующие столетия дважды, хоть и ненадолго, охватывали своей властью большую часть субконтинента. В 1526 г. Захируддин Бабур (1483-1530), пришедший из Ферганы, основал так называемую империю Великих Моголов, которая просуществовала более 300 лет и на пике своего могущества охватывала почти весь субконтинент. С середины 18 века по середину 19 века из фрагментов распадавшейся империи Великих Моголов британцы постепенно сложили свою Индийскую империю, просуществовавшую до 1947 года. Таким образом, когда в Европе была эпоха "национальных государств", в Южной Азии торжествовал имперский принцип. Мусульмане принесли в Южную Азию свои языки: фарси, язык власти и администрации, и арабский, язык молитв, богословия и науки. При британцах главным языком власти и образования стал английский. Во втором тысячелетии н.э. развивались и местные индийские языки. Многие из них были "младшими родственниками" санскрита, подобно тому, как в Европе романские языки - "младшие родственники" латыни. Были и языки, принадлежавшие к другим языковым семьям (например, дравидские: тамильский, телугу, каннара, малаялам и др.), но испытывавшие сильное влияние санскрита. Иные языки (как, например, урду) развивались как бы "под сенью" фарси и арабского. В 19-м и в первую половину 20-го вв., при британской власти, новые индийские языки получили большое развитие - благодаря современному образованию, развитию книгопечатания, литературы и журналистики. Но в контексте британской Индийской империи новые индийские языки не становились "знаменами" каких-либо "наций", хотя и оказывались порой в центре разнообразных социальных и идеологических конфликтов. Империя имела довольно сложную структуру. Она состояла из нескольких "провинций", которые подчинялись британскому вице-королю, правившему из

Дели, и из нескольких сотен "княжеств" (native states), унаследованных от империи Великих Моголов; этими "княжествами" правили местные монархи (имевшие разные наименования), которые были "вассалами" британской короны. Административные границы внутри Империи редко совпадали с границами языковыми.

Одним из несомненных достижений британской власти в Индии было создание довольно многочисленного слоя индийцев, образованных на европейский лад и на английском языке. Уже в 19 веке индийцы из этого слоя "рекрутировались" в британскую административную систему - и к концу колониального времени занимали в ней больше половины мест. Но в этом же по-европейски образованном слое получили распространение идеи о возможности и даже неизбежности передачи власти от "чужеземцев"-британцев представителям местного населения. Наиболее дальновидные британцы еще с начала 19 века предвидели подобный результат своей власти над Индией. Осенью 1917 года, когда большевики в Петрограде уже раздували пламя "мировой революции", британцы официально заявили, что их цель - установление в Индии "ответственного правительства". В дальнейшем споры между британской властью и индийскими "националистами" (так там называли тех, кто ратовал за независимость Индии) шли в основном о сроках и способах предоставления Индии независимости.

Сами индийцы также немало спорили между собой - и в этих спорах слово "нация" ("nation") занимало заметное место.

В 1918 г. известный бенгальский поэт Рабиндранат Тагор (1861-1941; в 1913 г. он первым из неевропейцев получил Нобелевскую премию по литературе) издал в Лондоне на английском языке книгу по названию "Nationalism". В книгу вошли лекции, читанные в США во время первой мировой войны. В этих лекциях Тагор очень критически отзывался о европейском опыте "национального строительства", приведшего к мировой войне. Индия, по мнению поэта, шла и будет идти другим путем. Неслучайно на индийских языках даже нет слов, соответствующих европейскому слову nation. Индия, по выражению поэта, - это "the country of the No-Nation". Последующая история отчасти оправдала, но отчасти и не оправдала поэтические надежды Тагора.

Другой известный деятель, Мухаммад Али Джинна (1871 - 1948), в 1930-1940-х гг. развивал теорию "двух наций", утверждая, что индусы и мусульмане Индии не смогут мирно существовать в одном независимом государстве, потому что они представляют собой две отдельные "нации". Английское слово "nation" Джинна употреблял в том смысле, в котором сочетаются этнический (культурный) и государственный аспекты. Как и в случае с Тагором, последующая история отчасти оправдала, но отчасти и не оправдала политические расчеты основателя Пакистана. На месте британской Индийской империи мы имеем теперь не "две нации(-государства)", а целых три.

В отличие от трех империй на востоке Европы, британская Индийская империя пережила первую мировую войну. Многие солдаты-индийцы в составе британских войск участвовали и в первой, и во второй мировой. Но эту вторую британская Индийская империя уже пережить не смогла. В 1947 г. империя была преобразована в два независимых государства: Индию и Пакистан. Раздел (the Partition) был произведен не по "национальному" или "языковому", а по религиозному принципу. К Пакистану отошли территории с преобладающим мусульманским населением, причем в двух случаях разделению подверглись люди, относящиеся к одной языковой "зоне": пенджабцы на западе и бенгальцы на востоке. Раздел 1947 года сопровождался миграцией миллионов людей и взаимными смертоубийствами. На вопрос "кто виноват?" до сих пор нет внятного и общепризнанного ответа.

Независимые Индия и Пакистан более или менее успешно интегрировали в свои государственные структуры бывшие "княжества" (но одно из них, Кашмир, до сих пор служит источником коллизий между двумя странами). Однако оба государства столкнулись с проблемами многоязычия. Республике Индия достались в наследство внутренние административные границы, не совпадавшие с границами между зонами распространения языков - и в 1950-е гг. в стране развернулись движения за реорганизацию границ между штатами по языковому принципу. Были даже случаи самосожжения сторонников такой реорганизации. Центральному правительству в Дели пришлось уступить. Но ничего страшного в результате такого "размежевания

языков" не произошло. Индийский федерализм выдержал это испытание, как и другие испытания в последующие годы.

Посол Индии в РФ г-н Панкадж Саран в своих неформальных выступлениях в Москве не раз с улыбкой говорил примерно следующее: "Подумать только: ведь Индия могла бы, как Африка, разделиться на несколько десятков государств, которые бы постоянно воевали друг с другом! Но мы, к счастью, живем в одном мирном государстве!".

Пакистану повезло меньше. Пакистанское начальство сначала настаивало на том, чтобы единым "национальным" языком страны был урду. Бенгальцы, основное население тогдашнего Восточного Пакистана, требовали предоставить равные права их языку, бенгальскому. 21 февраля 1952 г. в Дхаке (тогда Дакке), столице Восточного Пакистана, произошла демонстрация в защиту бенгальского языка. Полиция открыла огонь; по крайней мере четыре человека были убиты. С тех пор бенгальцы отмечают 21 февраля как "День мучеников за язык". (В 1999 году ЮНЕСКО провозгласило 21 февраля "Международным днём родного языка"). Через какое-то время права бенгальского языка в Пакистане были признаны, но в 1971 году в результате гражданской войны и благодаря военной помощи Индии Восточный Пакистан провозгласил себя независимым государством под именем Бангладеш. Бенгальский язык стал государственным языком новой страны. Теперь Бангладеш - единственное государство Южной Азии, которое подобно какому-нибудь "национальному государству" в Европе. Правда, много бенгальцев живет и в соседней Республике Индия, в штате Западная Бенгалия.

Республика Индия, как и оставшийся Пакистан, дают нам вдохновляющие примеры того, как многие миллионы людей, говорящие на разных языках, мирно сосуществуют в пределах одного государства и не требуют объявить себя отдельными "нациями", которые должны жить в отдельных государствах.